

Дуань Чанчуань выпил миску кажи, желудок приятно наполнился, да и сам он взбодрился.

Велев Чанлэ подать воду, чтобы прополоскать рот и умыться, он стал готовиться ко сну.

Обернувшись, он посмотрел на свою широкую кровать, на которой спал уже восемнадцать лет, а затем — на женщину, сидевшую на кушетке и умывавшуюся с помощью служанок. При мысли о том, что эта женщина сейчас заявится и займет его ложе, на его лице тотчас отразилось крайнее недовольство.

Он без церемоний отдал приказ Чанлэ и остальным слугам:

— Уберите боковую кушетку, пусть Императрица спит там.

В комнате снова воцарилась тишина.

Бай Су прекратила вытирать лицо и посмотрела на него.

Дуань Чанчуань дерзко уставился в ответ:

— Что? Неужели ты все еще надеешься забраться на мое драконье ложе?

Бай Су:...

И вот этого накормили досыта? Он тут же ожил и принялся за старое.

Впрочем, дело было вовсе не в особенностях организма омеги. Подобные прыщики обычно возникали как аллергическая реакция кожи на резкую смену температуры с холодной на горячую или на излишне сырые вещи.

Сонно кутаясь в одеяло, он провалился в сон.

Красные точки на предплечье при свете свечей стали еще заметнее.

Чанлэ, склонившись в поклоне, тихонько уговаривала:

— Ваше Величество, разве это годится... Регент ведь и так за нами присматривает.

Все тело покрывали выпуклые красные волдыри, выступавшие отдельными пятнами. Их было немного, и случай не казался запущенным.

Она даже не понимала, не может ли уснуть из-за бессонницы или просто потому, что еще не настало время ложиться.

Бай Су ворочалась на кушетке, да и Дуань Чанчуань спал беспокойно.

Юноша задрал нос:

— И что с того, что присматривает? Он сует людей на место императрицы, заправляет и во внешнем дворе, и в гареме — неужели он и до моего драконьего ложа доберется? Если у него хватит духу, пусть пришлет сюда людей прямо сейчас и заставит меня переспать с ней по его приказу!

И хотя в его словах был определенный смысл... но слышать, как этот Дуань Чанчуань, обладающий лицом ее собственного омеги, рассуждает о том, как переспит с ней самой, заставляло ее виски слегка пульсировать.

К тому же, здесь не было даже часов, и времени узнать было невозможно.

В конце концов Чанлэ вместе с другими слугами подготовила кушетку у окна, и Бай Су легла спать.

Той изначально не спалось, и теперь она вынуждена была слушать соседа: как шуршит одеяло юноши и скрипит кровать.

Послушав какое-то время и убедившись, что до нее доносятся звуки зудящего почесывания и недовольное мычание, Бай Су наконец не вытерпела и встала проверить.

Альфа с мрачным выражением лица засунула руку под одеяло юноши.

Бай Су нахмурилась и решительно перехватила его запястье, чтобы все внимательно осмотреть.

Юноша еще не привык к внезапному свету и рефлекторно прикрыл глаза рукой.

Если так чесать дальше, кожа лопнет.

Просто смех...

Посчитав пуховое одеяло лишним, он попросту швырнул его вместе с матрасом на Бай Су. На беду, его собственное привычное белье как раз отправили в стирку, а Управление императорского гардероба и постелей еще не прислало новое, так что он остался без одеяла. В

конце концов Чанлэ отыскала в шкафу какой-то комплект, чтобы он мог перебиться эту ночь.

Не взгляни она — и ладно бы, но присмотревшись, она обнаружила, что рука юноши от непрерывного расчесывания уже покраснела.

В эту пору весна только вступала в свои права, и зимний холод еще не отступил окончательно. Стоило Дуань Чанчуаню укрыться слежавшимся в шкафу бельем, как его тело охватило жуткое неудобство.

Она опустила озадаченный взгляд и столкнулась с парой изумленных глаз.

На середине движения ее руку перехватила ледяная ладонь.

Мало того что ее занесло бог весть куда через пространственный перенос, так здесь еще и часовой пояс отличался.

С момента ее перемещения способности альфы словно погрузились в спячку. Теперь же они, казалось, медленно восстанавливались: затылок неприятно ныл, а клыки зудели.

Покой ей только снился.

К тому же с восемнадцати лет, после совершеннолетия, она взяла на себя семейный бизнес, часто засиживалась на деловых приемах и засыпала не раньше глубокой ночи.

Симптомы были точь-в-точь как в год ее первичного проявления — вероятно, из-за перемещения у этого тела началась вторичная мутация?

О таких высыпаниях Бай Су читала еще в детстве в руководстве по защите омег.

Наступил вечер, опустились сумерки.

Вскоре рука зачесалась.

Внезапно оказавшись в древности, когда ложиться спать полагалось едва темнело... к этому оказалось непросто привыкнуть.

Ее с трудом удалось заснуть, но посреди ночи снова начал бить озноб.

Организмы омег неженки, малейшая неосторожность — и сыпь тут как тут, именно поэтому об этом и было написано в руководстве.

Однако Дуань Чанчуань спал так крепко, что даже зуд его не разбудил, а вот яркий свет свечи заставил-таки открыть глаза.

Бай Су лежала на кушетке, ворочаясь с боку на бок.

— Мм...?!

— Ты! Бай Су! Ради продолжения рода ты решилась на столь постыдный поступок!

Бай Су беспомощно вздохнула, запрокинула голову к потолку и принялась считать овец.

Разумеется, из-за сильнейшей усталости он провалился в мертвецкий сон и проснулся не до конца, а просто продолжал елозить рукой и ворочаться, выглядя крайне беспокойно.

Бай Су, подслушивавшая из соседнего угла:...

Приблизившись с подсвечником, она даже разглядела на его теле то тут, то там выступившие капельки крови от расчесов.

— Только не думай, что раз сегодня наша свадьба, я не посмею выгнать тебя! Заруби себе на носу: даже если мой род прервется, я не дам тебе ни единого ребенка!

Он говорил с нескрываемым скрежетом в зубах.

Бай Су:...

Она спросила:

— Тебя совсем не чешется?

Юноша растерянно моргнул:

— ...А?

— У тебя сыпь, шуму от тебя было столько, что ты меня разбудил.

Дуань Чанчуань растерялся еще больше:

— ...А какое отношение это имеет к тому, что ты залезла под мое одеяло?

Бай Су поленилась объяснять и просто сдернула с него одеяло.

Юноша в шелковых одеждах цвета яичного желтка мгновенно предстал перед ней во всей красе.

Лишившись укрытия, он рефлекторно сжался в комок.

Лишь свернувшись калачиком, он вспомнил, что вообще-то находится в позиции силы, свирепо вытаращил глаза и грозно прикрикнул:

— Ты... дерзость!

Но женщина лишь тяжело вздохнула, даже не удослужив его прямым взглядом, забрала его одеяло и направилась обратно к боковой кушетке.

Дуань Чанчуань: ???

Глубоко вздохнув, он спросил:

— Что ты творишь...

На полуслове женщина сорвала с постели его матрас и кивнула на него:

— Поднимайся.

Юноша рефлекторно сдвинул зад...

И лишь когда постель была полностью разграблена, сообразил, что что-то здесь не так.

Тотчас вскочив на ноги, он заскрежетал зубами:

— Бай! Семья! Бай! Да знаешь ли ты, чье ложе сейчас рушишь!

В следующее мгновение он увидел, как женщина в белых одеждах забрала постельные принадлежности со своей кушетки и принялась методично застилать ими его кровать.

Заметив, что он стоит босиком на полу, она даже заботливо бросила: «Не простудись».

Когда постель была полностью готова и Дуань Чанчуань по ее подсказке забрался обратно в

теплое гнездышко, он все еще не мог прийти в себя.

Юноша забился в постель по самые плечи, длинные волосы рассыпались по плечам, а во взгляде читалась настороженность.

Точь-в-точь какое-то пугливое мелкое животное.

Бай Су нашла это забавным и, не удержавшись, протянула руку, чтобы ущипнуть его за рассерженное личико:

— Что, боишься, я с тобой что-то сделаю? Твое одеяло было слишком сырым, тело не выдержало, вот и высыпала сыпь. Я вернула тебе постель, спи спокойно.

Затем она зевнула со сна и, совершенно игнорируя реакцию юноши, в деревянных сандалиях потопала к себе.

В комнате снова воцарилась тишина. Навозившись с укрощением бунтаря, Бай Су наконец почувствовала сонливость, легла на кушетку и смежила веки.

Одеяло, которым Дуань Чанчуань укрывался некоторое время, казалось теплым сверху, но в ногах оставалось ледяным.

Стоило завернуться в него, как ощущаешь себя словно в морозильной камере.

Тц... Неудивительно, что у парня вылезла такая жуткая экзема — даже для закаленной альфы это было испытанием.

Она уже закрыла глаза, отпустив мысли в свободный полет, как вдруг ощутила на себе чей-то взгляд.

Подумав поначалу, что это случайный интерес, она ждала, что он исчезнет, но прошло немало времени, а пристальный взгляд все не унимался.

Потерпев немного, Бай Су наконец открыла глаза.

Она хотела было спросить: «Не спится среди ночи, старик, чего тебе на этот раз приспичило?», но, подняв голову, сразу же встретила взглядом с парой иссиня-черных, чистых глаз.

Юноша, опираясь одной рукой о край кровати, высунул голову из-под одеяла и, слегка наклонив ее набок, молча глядел на нее.

— Слушай... — произнесли они хором.

— Что такое? — снова синхронно вырвалось у обоих.

И оба одновременно умолкли.

Юноша закусил губу, шумно сглотнул слюну и лишь после этого с напускной холодностью выдавил:

— Ты... иди спать сюда. На той постели спать невозможно.

И хотя это было приглашение, полное заботы, прозвучало оно так, будто он отдает приказ.

Бай Су приподняла бровь:

— А ты не боишься, что я сделаю это специально? Воспользуюсь твоей добротой, чтобы забраться на драконье ложе.

Услышав вопрос, юноша на мгновение растерялся.

Затем он перевернулся на другой бок и, обхватив одеяло руками, скатился в самый угол:

— Хочешь спи, хочешь нет, хоть пусть тебя всю обсыплет сыпью — мне и дела нет!

Пфф...

С чего это он вдруг надулся?

Пряча улыбку, Бай Су подхватила собственную подушку и прямиком забралась на драконье ложе юноши.

Стоило ей опуститься на матрас, как фигура юноши заметно напряглась.

В следующий миг в нее полетела огромная продолговатая подушка, легшая барьером между ними.

Он предупредил:

— Никаких заступов за черту, и думать забудь о всяких глупости, не то вылетишь обратно на

свою кушетку!

Посмотрев на угловатую подушку, а затем на юношу, забившегося в угол и похожего на застенчивую молодую жену, Бай Су с трудом сдержала смех:

— Чего ты так меня боишься? Во-первых, я женщина, и бояться меня тебе резону нет, а во-вторых, даже если бы я замышляла неладное, сам-то ты способен контролировать себя, чтобы не встал? Разве я могла бы взять тебя силой?

Едва эти слова сорвались с губ, юноша в изумлении вытаращил глаза.

Его темные, красивые очи долго смотрели на нее, пока он выдавливал из себя:

— Ты... да ты... ты просто распут... распутница!

Воспитанный на правилах приличия и морали Сын Неба, должно быть, никогда в жизни не произносил подобных грубых слов, и потому, заикаясь и ругая Бай Су на чем свет стоит, он так и не смог выговорить заветное слово целиком.

В конце концов из его носа вырвалось лишь исполненное ярости:

— Хм!

Звучало это донельзя сердито.

Сдерживаемый всю ночь смех Бай Су наконец прорвался наружу громким «пфф!».

Дуань Чанчуань опешил: ???

— Чего ты смеешься?

Юноша толкнул ее.

Смех альфы наконец утих:

— Кхм, прости-прости, я вовсе не хотела над тобой смеяться.

— Еще раз усмехнешься — велю выбить тебя палками!

Женщина с видимым безразличием кивнула:

— Угу, угу.

Дуань Чанчуань:...

Перемахнув через нее, он свесился с кровати наружу.

И принялся звать:

— Чанлэ!

— Чан... мф...!

На середине крика его рот зажали.

В воздухе повеяло легким и нежным цветочным ароматом.

В следующее мгновение мир перевернулся.

Женщина в одно мгновение оказалась сверху, навалившись на него.

Рассыпавшиеся темные пряди коснулись его щеки.

Она произнесла:

— Всё, маленький предводитель, давай спать. Если продолжишь в том же духе, и рассвет не за горами. Я смертельно хочу спать, а ты разве нет?

<http://bllate.org/book/21020/2136735>